

«АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС»

Льюис Кэрролл

Льюис Кэрролл

Алиса в Стране чудес

<https://litres.ru/74624462>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Алиса в Стране чудес» Льюиса Кэрролла — это классическая сказка о девочке Алисе, которая попадает через кроличью нору в фантастический мир с абсурдными законами и чудаковатыми персонажами. Путешествуя по этой удивительной стране, она сталкивается с логическими парадоксами, языковой игрой и нелепыми правилами, из-за чего её представление о реальности постоянно подвергается испытанию.

Льюис Кэрролл

Алиса в Стране чудес

ГЛАВА I. Вниз, в кроличью нору

Алиса уже начинала уставать сидеть на берегу рядом с сестрой и совсем не знала, чем заняться. Раз или два она заглядывала в книгу, которую читала её сестра, но там не было ни картинок, ни разговоров. «И какой же смысл в книге, — подумала Алиса, — если в ней нет ни картинок, ни разговоров?»

Она как раз размышляла про себя — насколько вообще могла размышлять в такую жару, когда от неё становилось сонно и голова соображала хуже обычного, — стоит ли удовольствие сплести венок из маргариток того, чтобы встать и нарвать цветов, как вдруг мимо неё пробежал Белый Кролик с розовыми глазами.

Ничего уж настолько удивительного в этом не было. И Алиса не сочла настолько необычным и то, что услышала, как Кролик пробормотал себе под нос:

— О боже! О боже! Я опоздаю!

Позже, вспоминая об этом, она подумала, что должна была бы удивиться, но в тот момент всё показалось ей совершенно естественным. Однако когда Кролик вдруг вынул часы из кармана жилета и посмотрел на них, а затем поспешил дальше, Алиса вскочила на ноги: её осенила мысль, что рань-

ше она никогда не видела кролика ни с карманом в жилете, ни с часами, которые можно было бы оттуда достать. Сгорая от любопытства, она побежала через поле вслед за ним и, к счастью, успела увидеть, как он нырнул в большую кроличью нору под живой изгородью.

В следующий же миг Алиса последовала за ним вниз, ни разу не задумавшись о том, каким образом она потом выберется обратно.

Некоторое время кроличья нора шла прямо, словно туннель, а затем внезапно пошла круто вниз — настолько внезапно, что Алиса даже не успела подумать о том, как остановиться, прежде чем обнаружила, что падает в очень глубокий колодец.

То ли колодец был чрезвычайно глубоким, то ли падала она очень медленно, но времени по дороге вниз у неё оказалось предостаточно, чтобы оглядываться по сторонам и гадать, что произойдёт дальше. Сначала она попыталась посмотреть вниз и разглядеть, куда же падает, но было слишком темно, и она ничего не увидела. Тогда она стала смотреть на стены колодца и заметила, что они сплошь заставлены шкафами и книжными полками. То тут, то там на крючках висели карты и картины.

Пролетая мимо одной из полок, она сняла с неё банку. На ней было написано: «АПЕЛЬСИНОВЫЙ МАРМЕЛАД». Но, к её огромному разочарованию, банка оказалась пустой. Бросить её Алиса не решилась — вдруг внизу кого-нибудь

убьёт, — поэтому, пролетая мимо очередного шкафа, сумела поставить банку внутрь.

— Ну и ну! — подумала Алиса. — После такого падения я уже и не испугаюсь свалиться с лестницы! Как же все дома будут мной гордиться! Да я даже ничего не скажу, если свалюсь с крыши!

Что, скорее всего, было чистой правдой.

Вниз, вниз, вниз. Неужели падение никогда не закончится?

— Интересно, сколько миль я уже пролетела? — сказала она вслух. — Наверное, я уже почти у самого центра Земли. Посмотрим: до него, кажется, четыре тысячи миль вниз...

Алиса, как видите, успела узнать кое-что подобное на школьных уроках. И хотя сейчас это было не самое подходящее место для демонстрации своих знаний — всё равно ведь слушать её было некому, — повторить выученное вслух было полезной практикой.

— Да, примерно столько и должно быть. Но тогда интересно, какая у меня сейчас широта и долгота?

Алиса понятия не имела, что такое широта и что такое долгота, но ей казалось, что это очень солидные и внушительные слова.

Через некоторое время она снова заговорила:

— Интересно, а вдруг я провалюсь прямо сквозь Землю? Как забавно будет оказаться среди людей, которые ходят вниз головой! Антипатии, кажется...

На этот раз она даже обрадовалась, что никто её не слышит: слово явно получилось не то.

— Но тогда мне придётся спросить у них, как называется эта страна. «Скажите, пожалуйста, это Новая Зеландия или Австралия?»

И она попыталась сделать реверанс прямо во время разговора. Только представьте себе: делать реверанс, падая в воздухе! Как вы думаете, у вас бы получилось?

— И какой невеждой они меня сочтут, если я такое спрошу! Нет, лучше не спрашивать. Может быть, где-нибудь я увижу название написанным.

Вниз, вниз, вниз.

Больше делать было нечего, и вскоре Алиса снова заговорила:

— Думаю, Дайна сегодня вечером очень будет по мне скучать!

Дайна была кошкой, про которую внезапно вспомнила Алиса.

— Надеюсь, они не забудут дать ей её блюдце молока к чаю. Дайна, дорогая! Как бы я хотела, чтобы ты сейчас была здесь, со мной! Здесь в воздухе мышей нет, но ты могла бы поймать летучую мышь. А она ведь почти как мышь, правда? Интересно, а кошки едят летучих мышей?

Тут Алиса начала понемногу засыпать и продолжила повторять про себя каким-то сонным голосом:

— Кошки едят летучих мышей? Кошки едят летучих мы-

шей?

А иногда:

— Летучие мыши едят кошек?

Ведь ответить она не могла ни на один из этих вопросов, так что, по сути, было неважно, в каком порядке их задавать.

Она почувствовала, что засыпает, и уже начала видеть сон, будто идёт, держась за руку с Дайной, и очень серьёзно говорит ей:

— А теперь, Дайна, скажи мне правду: ты когда-нибудь ела летучую мышь?

И вдруг — бух! бух! — она упала на кучу веток и сухих листьев.

Падение закончилось.

Алиса ничуть не ушиблась и мгновенно вскочила на ноги. Она посмотрела вверх, но над головой было совершенно темно. Перед ней тянулся ещё один длинный коридор, а Белый Кролик всё ещё был виден впереди: он торопливо бежал по нему.

Нельзя было терять ни секунды.

Алиса помчалась за ним как ветер и как раз успела услышать, как Кролик, сворачивая за угол, сказал:

— Ох, мои уши и усы! Как же поздно уже!

Алиса была совсем близко, когда тоже завернула за угол, но Кролик исчез.

Она оказалась в длинном низком зале, освещённом рядом ламп, свисавших с потолка.

Вокруг зала было множество дверей, но все они оказались заперты. Алиса прошла вдоль одной стены до конца, затем вдоль другой, пытаясь открыть каждую дверь, но всё было бесполезно. Тогда она печально пошла обратно по центру зала, размышляя, как же ей теперь отсюда выбраться.

Вдруг она увидела маленький столик на трёх ножках, целиком сделанный из цельного стекла. На нём ничего не было, кроме крошечного золотого ключика.

Первой мыслью Алисы было, что он, возможно, подходит к одной из дверей в зале.

Но, увы, либо замочные скважины были слишком большими, либо ключик слишком маленьким — во всяком случае, ни одну дверь он не открывал.

Однако, когда Алиса во второй раз обходила зал, она заметила низкую занавеску, которой раньше не видела. За ней находилась маленькая дверца высотой примерно в пятнадцать дюймов.

Алиса вставила маленький золотой ключик в замок — и, к её огромной радости, он подошёл!

Алиса открыла дверцу и увидела, что за ней начинается небольшой проход, ненамного шире крысиной норы.

Она опустилась на колени и посмотрела вдоль прохода. А там был самый прекрасный сад, какой только можно себе представить.

Как же Алисе хотелось выбраться из этого тёмного зала и побродить среди клумб с яркими цветами и прохладных

фонтанов! Но даже голову она не могла просунуть в дверной проём.

«И даже если бы голова пролезла, — подумала бедная Алиса, — какой от неё толк без плеч? Ах, как бы мне хотелось уметь складываться, как подозренная труба! Думаю, я бы смогла, если бы только знала, с чего начать».

Ведь за последнее время с ней произошло столько совершенно необычных вещей, что Алиса уже начала думать: на самом деле очень мало вещей вообще можно назвать невозможными.

Похоже, ждать у маленькой дверцы больше не имело смысла, поэтому она вернулась к столику, наполовину надеясь найти на нём ещё один ключик или, по крайней мере, книгу с правилами о том, как складывать людей, словно подозренные трубы.

На этот раз на столике она обнаружила маленькую бутылочку.

— А ведь раньше её здесь точно не было, — сказала Алиса.

Вокруг горлышка бутылочки была обёрнута бумажная этикетка, а на ней большими красивыми буквами было напечатано:

«ВЫПЕЙ МЕНЯ».

Сказать «Выпей меня» было, конечно, очень легко, но благоразумная маленькая Алиса вовсе не собиралась торопиться с этим.

— Нет, сначала я посмотрю, — сказала она, — не написано ли здесь «яд».

Ведь она читала немало хорошеньких историй о детях, которые обжигались, которых съедали дикие звери и с которыми происходили всякие другие неприятности — и всё это только потому, что они никак не хотели запоминать простые правила, которым их учили друзья.

Например: если слишком долго держать раскалённую коцергу, она обожжёт тебя. А если очень глубоко порезать палец ножом, он, как правило, начинает кровоточить.

И Алиса никогда не забывала, что если выпить много жидкости из бутылки с надписью «яд», это почти наверняка рано или поздно закончится для тебя неприятностями.

Однако на этой бутылочке слова «яд» не было.

Поэтому Алиса решила сделать глоток.

Напиток оказался очень приятным. Более того, у него был какой-то смешанный вкус: в нём словно соединились вишнёвый пирог, заварной крем, ананас, жареная индейка, ириска и горячий тост с маслом.

Очень скоро Алиса допила всё до конца.

* * *

— Какое странное ощущение! — сказала Алиса. — Кажется, я складываюсь, как подозрная труба.

Так оно и было. Теперь её рост составлял всего десять дюймов, и лицо Алисы просияло при мысли о том, что теперь она как раз подходящего размера, чтобы пройти через

маленькую дверцу в прекрасный сад.

Но сначала она несколько минут подождала, чтобы проверить, не станет ли ещё меньше. Это её немного беспокоило.

«А вдруг это всё-таки закончится, — сказала себе Алиса, — и я совсем исчезну, как свечка? Интересно, какой я тогда стану?»

Она попыталась представить себе, как выглядит пламя свечи после того, как свечу задули, но никак не могла вспомнить, видела ли когда-нибудь такое.

Через некоторое время, убедившись, что больше ничего не происходит, Алиса решила сразу же отправиться в сад.

Но бедная Алиса! Подойдя к дверце, она обнаружила, что забыла маленький золотой ключик.

Она вернулась к столику, но теперь никак не могла до него дотянуться. Сквозь стекло она прекрасно видела ключик и изо всех сил пыталась взобраться по одной из ножек стола, но та оказалась слишком скользкой.

Наконец, измучившись от этих попыток, бедняжка Алиса села и заплакала.

— Ну же, нечего так плакать! — довольно строго сказала Алиса самой себе. — Советую тебе немедленно прекратить!

Обычно Алиса давала себе очень хорошие советы, хотя следовала им крайне редко. Иногда она ругала себя так сурово, что сама доводила себя до слёз.

Однажды она даже пыталась дать себе пощёчину за то, что жульничала в игре в крокет, которую сама же вела против

самой себя.

Ведь эта странная девочка очень любила представлять, будто она — два разных человека.

«Но сейчас от этого никакого толку, — подумала бедная Алиса. — Какой смысл притворяться двумя людьми? Да меня самой осталось едва ли достаточно, чтобы получился один приличный человек!»

Вскоре её взгляд упал на маленькую стеклянную коробочку, лежавшую под столом.

Алиса открыла её и обнаружила внутри совсем небольшой пирожок. На нём смородиной были красиво выложены слова:

«СЪЕШЬ МЕНЯ».

— Ну что ж, я его съем, — сказала Алиса. — Если от него я стану больше, то смогу достать ключик. А если стану меньше, то смогу пролезть под дверь. В любом случае я попаду в сад, и мне всё равно, что именно произойдёт!

Она откусила маленький кусочек и тревожно сказала себе: — В какую сторону? В какую сторону?

При этом она положила руку на макушку, чтобы определить, в какую сторону она растёт.

К своему большому удивлению, Алиса обнаружила, что остаётся прежнего размера.

Разумеется, обычно именно так и бывает, когда ешь пирог. Но Алиса настолько привыкла ожидать, что произойдёт что-нибудь необычное, что ей показалось ужасно скучным и

нелепым, когда жизнь вдруг продолжилась самым обычным образом.

Она принялась за дело и очень скоро доела пирожок.

ГЛАВА II. Лужа слёз

— Всё чудесатее и чудесатее! — воскликнула Алиса.

От удивления она на мгновение совершенно забыла, как следует правильно говорить по-английски.

— Теперь я раскрываюсь, как самая огромная подозрная труба, какая только существовала! Прощайте, ноги!

Когда она посмотрела вниз, на свои ноги, они казались почти исчезнувшими из виду — настолько далеко теперь находились.

— О, мои бедные ножки! Интересно, кто же теперь будет надевать на вас туфельки и чулки, дорогие мои? Уж я-то точно не смогу! Я буду слишком далеко от вас, чтобы заниматься вами. Придётся вам как-нибудь справляться самим. Но я должна быть с ними поласковее, — подумала Алиса, — иначе они, пожалуй, не станут идти туда, куда мне хочется. Посмотрим... Каждое Рождество я буду дарить им новую пару сапожек.

И она продолжила придумывать, как именно всё это будет происходить.

«Их придётся отправлять с курьером, — думала она. — Как же забавно будет посылать подарки собственным ногам! А как странно будут выглядеть указания на посылке! Правой ногой Алисы, на ковре у камина, от Алисы в любовь...»

— Ах, боже мой, какую чепуху я несу!

Тут её голова ударилась о потолок коридора: теперь её рост составлял уже больше девяти футов. Она тут же подхватила маленький золотой ключик и поспешила к двери в сад.

Бедняжка Алиса! Лёжа на боку, она едва могла одним глазом заглянуть в сад, а пробраться туда теперь казалось ещё безнадежнее. Она села и снова заплакала.

— Тебе должно быть стыдно за себя, — сказала Алиса. — Такая большая девочка, как ты, — а у неё действительно были на то основания так говорить, — и всё продолжаешь плакать! Немедленно перестань, я тебе говорю!

Но она всё равно продолжала плакать, проливая целые галлоны слёз, пока вокруг неё не образовалась огромная лужа глубиной около четырёх дюймов, которая простиралась почти на всю половину коридора.

Через некоторое время она услышала вдали лёгкий топот маленьких ног и поспешно вытерла глаза, чтобы посмотреть, кто это идёт. Это возвращался Белый Кролик, великолепно одетый, с парой белых лайковых перчаток в одной лапке и большим веером в другой. Он торопливо семенил вперёд и бормотал себе под нос:

— Ох! Герцогиня, Герцогиня! Ох, как же она рассердится, если я заставил её ждать!

Алиса была в таком отчаянии, что готова была попросить помощи у кого угодно. Поэтому, когда Кролик приблизился к ней, она тихим, робким голосом начала:

— Если вы позволите, сэр...

Кролик резко вздрогнул, выронил белые лайковые перчатки и веер и со всех ног бросился прочь во тьму.

Алиса подняла веер и перчатки и, поскольку в коридоре было очень жарко, всё время обмахивалась веером, продолжая говорить:

— Боже мой, боже мой! Как всё сегодня странно! А вчера всё шло как обычно. Интересно, не изменилась ли я за ночь? Дай-ка подумаю: разве утром, когда я проснулась, я была такой же? Кажется, я даже помню, что чувствовала себя немного иначе. Но если я уже не та же самая, тогда следующий вопрос: кто же я вообще такая? Ах, вот это действительно головоломка!

И она начала перебирать в уме всех знакомых ей детей примерно своего возраста, пытаясь понять, не превратилась ли она случайно в кого-нибудь из них.

— Я совершенно точно не Ада, — сказала она, — потому что у неё волосы завиваются такими длинными локонами, а мои совсем не вьются. И уж точно я не могу быть Мейбл, потому что я знаю всякие разные вещи, а она... ох! Она знает совсем-совсем мало! К тому же она — это она, а я — это я, и... ох боже, как же всё запутано! Попробую проверить, помню ли я всё, что раньше знала. Так... четыре умножить на пять — двенадцать, четыре умножить на шесть — тринадцать, а четыре умножить на семь — ох боже! Так я никогда до двадцати не доберусь! Впрочем, таблица умножения не

имеет значения. Попробуем географию. Лондон — столица Парижа, Париж — столица Рима, а Рим... нет, всё это совершенно неправильно, я уверена! Значит, я должна была превратиться в Мейбл! Попробую прочесть: «Как зелёный крокодилчик...»

Она сложила руки на коленях, словно собиралась отвечать урок, и начала повторять стихотворение. Но голос у неё звучал хрипло и непривычно, а слова получались совсем не такими, как прежде:

Как зелёный крокодилчик
Хвост блестящий чистил свой.
Золотистые чешуйки
Обмывал речной водой!
Как он мило улыбался,
Рыбкам лапками махал.
Раскрывал зубастый ротик,
И заплывать их приглашал.

— Я уверена, что слова там были не такие, — сказала бедная Алиса.

Её глаза снова наполнились слезами, и она продолжила:

— Значит, всё-таки я Мейбл. И мне придётся жить в том тесном маленьком домике, где почти нет игрушек, с которыми можно играть, зато уроков — ох, как много! Нет, я уже всё решила: если я Мейбл, то останусь здесь, внизу! Бесплезно им будет свешивать головы и говорить: «Поднимайся обратно, дорогая!» Я просто посмотрю вверх и скажу: «Так

кто же я? Сначала скажите мне это, а потом, если мне понравится быть этим человеком, я поднимусь. А если нет, останусь здесь, пока не стану кем-нибудь другим». Но... ох боже!

С внезапным новым приступом слёз Алиса воскликнула:

— Как же мне хочется, чтобы они всё-таки свесили сюда головы! Я так устала быть здесь совсем одна!

С этими словами она посмотрела на свои руки и с удивлением обнаружила, что во время разговора надела одну из маленьких белых лайковых перчаток Кролика.

«Как же я умудрилась это сделать? — подумала она. — Должно быть, я снова становлюсь маленькой».

Она встала и подошла к столу, чтобы измерить себя по нему, и обнаружила, насколько могла судить, что теперь её рост составлял около двух футов и продолжал стремительно уменьшаться. Вскоре она поняла, что причиной этого был веер, который она держала в руке, и поспешно бросила его — как раз вовремя, чтобы совсем не исчезнуть от дальнейшего уменьшения.

— Это было на волосок! — сказала Алиса, порядком испугавшись столь внезапной перемены, но очень обрадовавшись, что всё ещё существует. — А теперь — в сад!

И она изо всех сил побежала обратно к маленькой двери. Но, увы, маленькая дверь снова была заперта, а маленький золотой ключик, как и прежде, лежал на стеклянном столике.

«И теперь всё ещё хуже, чем раньше, — подумала бедняж-

ка. — Я никогда прежде не была такой маленькой, никогда! И это, право же, ужасно!»

Когда она произнесла эти слова, её нога поскользнулась, и в следующий миг — плюх! — она оказалась по подбородок в солёной воде.

Первой её мыслью было, что каким-то образом она упала в море.

«В таком случае я смогу вернуться по железной дороге», — сказала она себе.

Однажды Алиса побывала на морском побережье и пришла к общему выводу, что где бы вы ни оказались на английском побережье, вы непременно увидите в море множество купальных кабинок, каких-нибудь детей, копающихся в песке деревянными лопатками, затем ряд пансионатов, а за ними — железнодорожную станцию.

Однако вскоре она поняла, что находится в луже слёз, которую сама наплакала, когда была девять футов ростом.

— Хотела бы я не плакать так много! — сказала Алиса, плавая вокруг и пытаясь найти выход. — Теперь, наверное, меня за это накажут, и я утону в собственных слезах! Вот уж действительно будет странно! Хотя сегодня всё странное.

Тут она услышала неподалёку плеск в воде и подплыла поближе, чтобы понять, что это такое. Сначала она решила, что там, должно быть, морж или бегемот, но потом вспомнила, какой маленькой стала, и вскоре разглядела, что это всего лишь мышь, которая, как и она сама, случайно угодила

в воду.

«А не стоит ли мне сейчас заговорить с этой мышью? — подумала Алиса. — Здесь внизу всё такое необычное, что вполне может оказаться, будто она умеет разговаривать. Во всяком случае, попытаться не повредит».

И она начала:

— О Мышь, ты знаешь, как выбраться из этой лужи? Я так устала здесь плавать, о Мышь!

Алиса решила, что именно так и следует обращаться к мыши: раньше ей никогда не приходилось делать ничего подобного, но она вспомнила, как в латинской грамматике её брата видела: «Мышь — мыши — мыши — мышь — о мышь!»

Мышь с некоторым любопытством посмотрела на неё и, как показалось Алисе, подмигнула одним своим глазком, но ничего не ответила.

«Наверное, она не понимает по-английски, — подумала Алиса. — Пожалуй, это французская мышь, приехавшая сюда ещё с Вильгельмом Завоевателем».

При всём своём знании истории Алиса не имела ни малейшего ясного представления о том, как давно происходили разные события.

Поэтому она снова заговорила:

— Où est ma chatte?

Это была первая фраза в её учебнике французского, которая означала «Где моя кошка?».

Мышь внезапно выпрыгнула из воды и, казалось, задро-

жала всем телом от ужаса.

— Ох, простите меня! — поспешно воскликнула Алиса, испугавшись, что задела чувства бедного животного. — Я совсем забыла, что вы не любите кошек.

— Не люблю кошек! — пронзительно и страстно закричала Мышь. — А вы бы любили кошек, будь вы на моём месте?

— Ну... пожалуй, нет, — успокаивающим тоном ответила Алиса. — Не сердитесь из-за этого. Хотя мне бы очень хотелось показать вам нашу кошку Дайну. Думаю, вы полюбили бы кошек, если бы только увидели её. Она такая милая и спокойная, — продолжала Алиса, лениво плавая по луже и словно бы разговаривая сама с собой. — Она сидит у огня и так славно мурлычет, облизывает лапки и умывает мордочку... И такая мягкая, такая приятная, когда её берёшь на руки... А уж мышей она ловит просто великолепно...

— Ох, простите меня! — снова воскликнула Алиса, потому что на этот раз Мышь оцетинилась с ног до головы, и Алиса была совершенно уверена, что та по-настоящему обиделась. — Если вам неприятно, больше мы о ней говорить не будем.

— Ещё бы! — закричала Мышь, дрожа до самого кончика хвоста. — Как будто я стану разговаривать на такую тему! В нашей семье всегда ненавидели кошек: мерзкие, низкие, вульгарные твари! Даже не вздумайте снова произносить это имя!

— Ни за что! — поспешно сказала Алиса, торопясь пере-

менить тему разговора. — Вы... вы любите... собак?

Мышь ничего не ответила, и Алиса с ещё большим воодушевлением продолжила:

— Возле нашего дома живёт одна такая славная маленькая собачка, я бы с удовольствием вам её показала! Маленький терьер с такими живыми глазками, знаете, и с такими длинными кудрявыми коричневыми волосами! А ещё она приносит всё, что вы бросите, умеет садиться и просить еду, и всякое такое — я даже половины всего не могу вспомнить. И принадлежит она одному фермеру, знаете, а он говорит, что она такая полезная, что стоит сто фунтов! Он говорит, что она ловит всех крыс и...

— Ох боже! — печально вскрикнула Алиса. — Боюсь, я снова её обидела!

Мышь изо всех сил уплывала от неё, подняв вокруг себя целую суматоху в воде.

Тогда Алиса тихонько позвала её вслед:

— Милая Мышь! Пожалуйста, возвращайтесь! Мы больше не будем говорить ни о кошках, ни о собаках, если вы их не любите!

Услышав это, Мышь повернулась и медленно поплыла обратно к Алисе. Лицо её было совершенно бледным — от гнева, как решила Алиса, — и тихим дрожащим голосом она сказала:

— Давайте выберемся на берег, а там я расскажу вам свою историю, и вы поймёте, почему я ненавижу кошек и собак.

Пора было выбирать: в луже становилось всё теснее от птиц и животных, которые тоже в неё попадали. Там были Утка и Додо, Лори и Орлёнок, а также несколько других странных существ.

Алиса поплыла первой, и вся компания направилась к берегу.

ГЛАВА III. Бег по кругу и длинный хвост

Действительно, компания, собравшаяся на берегу, выглядела довольно странно: птицы с растрёпанными и слипшимися перьями, звери, чья шерсть плотно прижалась к телу, — и все насквозь мокрые, раздражённые и чувствующие себя весьма неудобно.

Первым делом, конечно, встал вопрос: как снова высохнуть? Они стали обсуждать это, и спустя несколько минут Алисе уже казалось совершенно естественным непринуждённо разговаривать со всеми ними, словно она знала их всю жизнь. С Лори у неё даже завязался довольно продолжительный спор. В конце концов та нахмурилась и заявила:

— Я старше тебя и, значит, знаю лучше.

Алиса не могла с этим согласиться, не выяснив, сколько же ей лет. Но Лори категорически отказалась назвать свой возраст, и на этом спор пришлось прекратить.

Наконец Мышь, которая, похоже, пользовалась среди них некоторым авторитетом, громко сказала:

— Садитесь все и слушайте меня! Я быстро вас высушу! Все тут же уселись большим кругом, а Мышь села посе-

редине. Алиса тревожно не сводила с неё глаз: она была уверена, что сильно простудится, если не высохнет как можно скорее.

— Кхм! — произнесла Мышь с важным видом. — Все готовы? Это самое сухое из всего, что я знаю. Тишина, пожалуйста! «Вильгельм Завоеватель, чьё дело пользовалось поддержкой папы римского, вскоре был признан англичанами, которым не хватало предводителей и которые в последнее время уже привыкли к узурпации и завоеваниям. Эдвин и Моркар, графы Мерсии и Нортумбрии...»

— Бр-р! — передёрнувшись, произнесла Лори.

— Прошу прощения! — сказала Мышь, нахмурившись, но очень вежливо. — Вы что-то сказали?

— Не я! — поспешно ответила Лори.

— Мне показалось, что вы, — сказала Мышь. — Продолжаю. «Эдвин и Моркар, графы Мерсии и Нортумбрии, объявили о своей поддержке Вильгельма и даже Стиганд, патристически настроенный архиепископ Кентерберийский, счёл это разумным...»

— Счёл что? — спросила Утка.

— Счёл это, — несколько раздражённо ответила Мышь. — Разумеется, вы знаете, что означает «это».

— Я прекрасно знаю, что значит «это», когда я нахожу какую-нибудь вещь, — сказала Утка. — Обычно это лягушка или это червяк. Вопрос в том, что именно нашёл архиепископ?

Мышь не обратил внимания на этот вопрос и поспешно продолжил:

— «...счёл благоразумным отправиться вместе с Эдгаром Этелингом навстречу Вильгельму и предложить ему корону. Поначалу Вильгельм вёл себя умеренно. Но наглость его норманнов...» Как ты себя теперь чувствуешь, дорогая? — продолжила она, обращаясь к Алисе.

— Всё такая же мокрая, — уныло ответила Алиса. — Это совсем меня не сушит.

— В таком случае, — торжественно произнёс Додо, поднимаясь на ноги, — я предлагаю отложить собрание для немедленного применения более энергичных средств...

— Говори по-английски! — сказал Орлёнок. — Я не знаю значения и половины этих длинных слов, и, более того, не верю, что ты сам их понимаешь!

Орлёнок опустил голову, скрывая улыбку, несколько других птиц заметно захихикали.

— Я собирался сказать, — обиженно произнёс Додо, — что лучший способ высушить нас — это устроить бег по кругу.

— А что такое бег по кругу? — спросила Алиса.

Не то чтобы ей очень хотелось это знать, но Додо замолчал, словно считал, что кто-нибудь должен заговорить, а больше никто, похоже, не собирался ничего говорить.

— Что ж, — сказал Додо, — лучше всего это объяснить, просто сделав это.

И если однажды зимой вам захочется попробовать такую забаву самим, я расскажу, как Додо всё устроил.

Для начала он обозначил дорожку для бега, примерно в форме круга.

— Точная форма не имеет значения, — сказал он.

Затем все участники разместились вдоль дорожки — кто здесь, кто там. Никакого «Раз, два, три — побежали!» не было: каждый начал бежать, когда ему захотелось, и остановился, когда ему захотелось, так что определить, когда гонка закончилась, было совсем непросто.

Однако примерно через полчаса все снова совершенно высохли, и тут Додо вдруг крикнул:

— Гонка окончена!

Все столпились вокруг него, тяжело дыша и спрашивая:

— Но кто победил?

На этот вопрос Додо не мог ответить без долгих размышлений. Он долго сидел, прижав палец ко лбу — именно в такой позе Шекспира обычно изображают на портретах, — пока остальные молча ждали.

Наконец Додо сказал:

— Победили все, и каждый должен получить приз.

— Но кто будет раздавать призы? — хором спросили несколько голосов.

— Она, конечно, — сказал Додо, указывая пальцем на Алису.

Вся компания тут же окружила её, беспорядочно выкри-

кивая:

— Призы! Призы!

Алиса понятия не имела, что делать, и в отчаянии сунула руку в карман. Она вытащила коробочку с засахаренными драже — к счастью, морская вода внутрь не попала — и стала раздавать их в качестве призов. Каждому досталось ровно по одной штуке.

— Но ведь и ей самой полагается приз, — сказала Мышь.

— Разумеется, — очень серьёзно ответил Додо. — А что ещё у тебя есть в кармане? — продолжил он, обращаясь к Алисе.

— Только напёрсток, — печально ответила Алиса.

— Отдай его сюда, — сказал Додо.

Тогда все снова столпились вокруг Алисы, а Додо торжественно вручил ей напёрсток со словами:

— Просим вас принять этот изящный напёрсток.

Закончив эту короткую речь, все дружно зааплодировали и закричали от восторга.

Алисе всё это казалось совершенно нелепым, но все выглядели настолько серьёзными, что она не осмелилась рассмеяться. А поскольку ничего другого сказать не могла, она просто поклонилась и приняла напёрсток, стараясь придать лицу как можно более торжественное выражение.

Следующим делом нужно было съесть драже. Это вызвало немало шума и суматохи: большие птицы жаловались, что не чувствуют вкуса своих сладостей, а маленькие давились и

нуждались в том, чтобы их похлопали по спине.

Наконец и это закончилось. Все снова уселись кругом и попросили Мышь рассказать им что-нибудь ещё.

— Ты ведь обещала рассказать мне свою историю, помнишь, — сказала Алиса, — и почему ты ненавидишь... Ко и Со, — добавила она шёпотом, наполовину опасаясь, что она снова обидится.

— Моя история длинная и печальная! — сказала Мышь, поворачиваясь к Алисе и вздыхая.

— Хвост у тебя и правда длинный, — сказала Алиса, с удивлением глядя на хвост Мыши. — Но почему ты называешь его печальным?

Дело в том, что на как мы знаем Алиса жила в Англии и говорила на английском языке. В английском языке история и хвост это одно и то же слово «TAIL». Поэтому, когда Мышь сказала про длинную историю, Алиса подумала, что она говорит про собственный хвост.

Пока Мышь говорила, Алиса продолжала ломать над этим голову, так что её представление о её истории постепенно стало выглядеть примерно так:

«У меня к тебе вопросы,
Между нами есть проблема.
Мы пойдём с тобой судиться»:
- Котик Мышке говорил.
«Суд наш самый справедливый,
Самый лучший и надёжный.

Он поможет разобраться»:

Котик Мышке говорил.

Но в суде сидели кошки,

И присяжные там кошки.

И свидетели там кошки,

Мышку суд приговорил.

Мышку съели эти кошки,

Рот салфетками утёрли.

«Всё должно быть аккуратно»:

- Котик тихо говорил.

— Ты совсем не слушаешь! — строго сказала Мышь Алисе. — О чём ты думаешь?

— Простите меня, — очень смиренно ответила Алиса. — Вы, кажется, дошли до пятого куплета?

— Не дошла — резко и очень сердито крикнула Мышь.

— Узел! — сказала Алиса, всегда готовая прийти на помощь, и тревожно огляделась. — О, позвольте мне помочь его развязать!

— Я и не собираюсь ничего подобного делать, — сказала Мышь, вставая и уходя. — Вы оскорбляете меня, говоря такую чепуху!

— Я не хотела! — жалобно оправдывалась бедная Алиса. — Но вы ведь так легко обижаетесь!

Мышь в ответ лишь сердито пробурчала что-то себе под нос.

— Пожалуйста, вернитесь и закончите свою историю! —

крикнула ей вслед Алиса.

Все остальные хором подхватили:

— Да, пожалуйста, продолжайте!

Но Мышь только нетерпеливо покачала головой и зашагала немного быстрее.

— Как жаль, что она не захотела остаться! — вздохнула Лори, едва Мышь окончательно скрылась из виду.

Тут старая Крабиха воспользовалась случаем и сказала своей дочери:

— Ах, дорогая! Пусть это послужит тебе уроком: никогда не теряй своего терпения!

— Помолчи, мам! — немного раздражённо огрызнулась молодая Крабиха. — От тебя у устрицы терпение лопнет!

— Вот бы здесь была наша Дайна, уж я точно этого хочу! — громко сказала Алиса, обращаясь ни к кому в особенности. — Она бы быстро её вернула!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.